

Николай АСОНОВ

ОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОРИИ РОССИИ КАК ФОРМА ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

В статье дается анализ трех книг, вышедших в 2012–2013 гг. и тематически связанных с изучением политических аспектов истории России с точки зрения ее научного и идеологического осмысления.

The article contents the analysis of three studies published in 2012–2013 and connected with researching political aspects of the Russian history form the point of view of its scientific and ideological understanding.

Ключевые слова:

Россия, власть, либерализм, история, наука, идеология; Russia, power, liberalism, history, science, ideology.

Старая мысль о том, что история имеет прикладное значение, влияя на перестройку системы ценностей и целей не только общества, но и власти, сегодня так же актуальна, как и в прошлом. Когда социально-политический кризис в очередной раз потряс Россию, он заставил всех неравнодушных к ней людей искать ответы на возникшие проблемы через выявление причинно-следственных связей, помогающих понять истоки той «болезни», которой страдает родина, и определить способы ее лечения. Переживание кризисного состояния раскрыло историю не просто как набор знаний о прошлом, а как сложную интегративную науку. Ведь история самым тесным образом связана со всеми гуманитарными дисциплинами, влияя на их поисковую направленность. Это объясняется тем, что все эти дисциплины в первую очередь являются науками исторического опыта, без учета которого нельзя получить достоверные знания. Интеллектуальный продукт такого рода пользуется спросом не только среди специалистов, но и у тех, кто настроен глубже понять специфику России как важной составной части всего мирового сообщества.

Типичным примером работы в данном направлении являются три книги, вышедшие в 2012–2013 гг. Дело в том, что их авторов объединяет стремление осмыслить научно-мировоззренческое наследие России, придав ему значение прикладной телеологии. Это монография Н.Б. Хайловой¹, учебное пособие Ю.А. Васильева² и сборник докладов, выступлений и статей под общей редакцией И.М. Клямкина³.

Самой большой по объему является последняя книга. В нее вошли материалы круглых столов и научных семинаров, проходивших под эгидой фонда «Либеральная миссия» в 2009–2012 гг. Среди нескольких десятков вопросов, обсуждавшихся на них, наиболее важными, по мнению И.М. Клямкина, являются:

1) Проблема российской политической цикличности, связанная с чередой «оттепелей» и «подмораживаний»;

2) Причины военно-технологических модернизаций при Петре I и И.В. Сталине, сделавшие Россию сверхдержавой, распавшейся в мирное время;

¹ См.: Хайлова Н.Б. Центристская модель модернизации российской экономики в начале XX века. — М.: Финансовый университет, 2013.

² См.: Васильев Ю.А. Теории и методы в русской исторической школе. — М.: ЛИБРОКОМ, 2012.

³ См.: История и историческое сознание / под общ. ред. И.М. Клямкина. — М.: Фонд «Либеральная миссия», 2012.

АСОНОВ

Николай

Васильевич —

д.полит.н.,

к.и.н., профессор,

заместитель

заведующего

кафедрой

политологии и

социологии МПГУ

NBASSONOV@

yandex.ru

3) Возможности развития России по европейскому пути и степень препятствия этому процессу со стороны русской традиционной культуры;

4) Специфика культурной эволюции в современной России;

5) Проблема восполнения концептуального вакуума в осмыслении отечественной истории и формирование либерального исторического сознания с опорой на труды старых либеральных историков;

6) Сходство и различие исторической миссии сегодняшних российских либералов и их предшественников.

Первая часть сборника «Какое наследство наследовать?» начинается с самого большого раздела, названного «Европейская и “холопская” традиции в России». Его проблематика красной нитью проходит через всю книгу, а личность Ивана Грозного становится ключевой фигурой, воплотившей в себе всю негативную суть национальной власти. Вторая часть «История и историки» больше связана с рассмотрением последних трех вопросов, но логически представляет собой продолжение ранее начатых дискуссий. К числу несомненных достоинств сборника смело можно отнести не только круг чрезвычайно важных вопросов, ответ на которые властью и оппозицией способен повлиять на судьбу нашей Родины, но и то, как они решались приглашенными для этого лицами. Способы их интерпретации позволяют представить социально-политические цели тех, кто считает себя российскими либералами, и уровень их научной обоснованности.

Несмотря на то что поставленные вопросы собравшиеся стремились осмыслить через историческое сознание, прежде всего в его политическом измерении, с точки зрения того, каким было, есть и должно быть российское государство, среди выступавших историков и политологов было явное меньшинство.

Между тем, исследователь социальной действительности, объективно, по-научному подходящий к решению стоящих перед ним проблем, знает, что любые доктрины и теории, явления и процессы, как и задействованные в них лица, не могут нести в себе только позитивные или только негативные свойства. При этом соотношение плюсов и минусов в каждом конкретном случае определяется как системой ценностей и целей, кото-

рой следует ученый, так и выбранной им научной парадигмой и гипотезой, основу которых составляет понимание того, что в любом случае мы не обладаем монополией на абсолютное знание социального бытия. Поэтому точное знание и ошибочное представление о предмете исследования всегда будут присутствовать в каждом научном выводе, даже если он выступает от имени либерализма. Если в нашем анализе подобная двойственность отсутствует, значит, здесь науку подменила политическая реклама, поскольку только она, стремясь навязать тот или иной идеологический «товар» потенциальному покупателю, выставляет его как некий идеальный продукт, не имеющий побочных эффектов и приносящий только одну пользу.

По этой причине вместо серьезных размышлений, основанных на принципе научного критицизма, приходится сталкиваться с массой восторженных эпитетов в адрес либерализма как «идеи благородства» (с. 405), выступающей в качестве панацеи от всех социальных бед. Зато подвергается самой беспощадной критике все, что было связано с русской историей, культурой и политикой. Они подаются как «серьезная и запущенная болезнь», требующая лечения (с. 231). В итоге мысль профессора РГГУ И.Г. Яковенко о том, что «очередная идеологизация истории страны – на сей раз в либеральном духе – нам здесь не поможет. Скорее только навредит» (с. 38), так и не была принята во внимание. Без ответа остался и вопрос, заданный В.В. Лапкиным. Его интересовало, почему, несмотря на такое количество негатива, скопившегося в российской государственной системе, она могла так долго существовать (с. 222). Не получил поддержки у собравшихся и целый ряд замечаний, высказанных известным историком-источниковедом И.Н. Данилевским в адрес трехтомника А.Л. Янова «Россия и Европа. 1462–1921», в котором автор пытается доказать, что наша страна – это искаженное продолжение Европы, и поэтому элементы либерализма в ней всегда были, и они победят по мере нашего сближения с Западом. Суть замечаний со стороны независимого эксперта свелась к тому, что в основе трехтомника «лежат не исторические факты, сколько некие метафоры», а «формулировки сплошь и рядом противоречат друг другу» (с. 20). Повисло в воздухе

запоздалое суждение доцента из РУДН А.С. Мадатова о том, что прежде, чем говорить о либерализме в России, надо поставить вопрос: «о каком либерализме идет речь» (с. 431). Не были приняты в расчет и другие мнения, позволяющие направить дискуссии в научное русло. Торжество идеологии над наукой проявило себя не только в отношении к российской истории, которую подавляющее большинство собравшихся были склонны переписать, как высказался Е.Г. Ясин, «с либеральных позиций» (с. 125). Таким образом, вопрос, поставленный А.А. Пелипенко, о том, «какой проект мы намерены осуществить: научно-исследовательский или идеологический» (с. 127), нашел свой ответ уже до того, как был озвучен.

Поражение научного подхода к решаемым вопросам дало о себе знать и в отношении собравшихся к самому термину «либерализм». Диалектический метод анализа позволяет любой феномен социальной жизни рассматривать в движении. Движение сопряжено с изменениями. Идеология либерализма также подвержена изменениям, и в своем развитии она прошла целый ряд этапов, нашедших свое отражение в истории. На этот счет написано достаточное число серьезных работ, и говорить о некоем общем, т.е. абстрактном, либерализме, более тяготеющем к философскому понятию «ноумен», нельзя. Надо не только различать его понимание в широком и узком смысле, но и учитывать хотя бы разницу между его классическим видом и неолиберализмом, из которого вышла идеология мондиализма. У каждой идеологии есть, помимо прошлого и настоящего, еще и будущее. Каково оно у либерализма, если он, согласно объективным законам бытия, раз возникнув, должен неизбежно пережить период подъема и расцвета, затем неизбежное старение и деградацию, за которой должна последовать гибель. Если этот аспект изъять как методологический прием анализа, тогда можно говорить о рождении нового вида религиозного сознания, ибо его основой становится слепая вера в неизбежное торжество и универсальный характер абстрактного ноумена либерализма, до конца не понятого, но который, подобно доброму богу, есть во всем и всегда.

Именно такой подход к либерализму позволяет смотреть на него, как на некую неподвижную максиму, повисшую над

грешной землей, словно солнце, лучи которого в первую очередь согрели страны романо-германского мира. Но осознание его «живительной» силы витало и в других странах, хотя не смогло воплотиться в стройное учение на службе человека, ведь даже общие постулаты Конфуция и Лао Цзы «очень близки к либерализму» (с. 60). Поэтому всему остальному миру надо отречься от всего своего и копировать успешный опыт Запада. Вот почему, читая книгу под редакцией И.М. Клямкина, так и слышишь поэтику другой социальной религии о всеобщем благе, порожденной стремлением Запада к господству над миром, грозящем разрушить, как писал Э. Потье, весь старый мир насилья до основания, а затем построить новый мир, в котором каждый «станет всем». Такая трактовка либерализма позволила присутствующим пройти мимо замечания А. Пелипенко, усомнившегося в либеральном будущем самой Европы и указавшего на то, что «либеральная линия в российской истории в лучшем случае представляет собой “вялый пунктир”» (с. 76,73). Часть собравшихся сумели найти его в избытке там, где это не могли сделать специалисты. В своих проявлениях он выступал как «либеральное почвенничество» (с. 107), «христианский либерализм» (с. 356), «либерал в культурном смысле слова» (с. 363), «разумный либерализм» (с. 420), и даже был сделан вывод о том, что «либерализм и демократия не совпадают», видимо по этой причине. В разряд либеральных партий, помимо кадетов, попали октябристы (с. 285). Культуролог из МПГУ О.А. Жукова уверила присутствующих, что «политическая идентичность Ключевского с т.з. либеральной наклонности не может быть подвергнута сомнению» (с. 252), забыв при этом, что сам мэтр отечественной исторической науки революционно-либеральным лозунгам пореформенной России дал совсем иную оценку, заявив, что все они не стоят даже одного слова профессора Буслаева. Вслед за В.О. Ключевским в либеральный лагерь попали сторонник ограниченной монархии М.М. Сперанский, Н.М. Карамзин (в первой половине жизни), лидер панславистского движения П.Н. Милюков, христианский гуманист Г.П. Федотов и ряд других. К «патриархам русского либерализма» были отнесены М.М. Стасюлевич, М.М. Ковалевский, К.К. Арсеньев,

А.С. Посников и И.И. Иваненков (с. 302). Либеральным миссионером № 1 объявили Т.Н. Грановского (с. 397), а «кандидатом в либералы» решили считать А.С. Пушкина (с. 408). А.А. Кара-Мурза сделал сенсационное заявление о том, что в русской почве было «огромное количество либеральных интенций, которые надо только политически актуализировать» (с. 107).

Кроме этого, сборник раскрыл новые подробности отечественной политической истории, из которых, помимо прочего, явствует, что Киев в IX в. был «хазарско-иудейским», а государством Русь не стала даже к XIII в. (спасибо монголо-татарам, которые «сделали ее своей колонией»), потому что у нас не было, как это было принято на Западе, своих сюзеренов и васалов с передовыми рыночными отношениями. Вечевые же институты и земские соборы следует рассматривать как «протолиберальные органы управления» (с. 60). Длительное сохранение России в качестве великой державы нашло свое объяснение в том, что, когда «дела в стране шли совсем плохо, к власти подпускали либерально настроенных чиновников и интеллектуалов», спасающих положение (с. 219). Надо полагать, по этой причине мы даже «никогда не воевали с Западом как таковым», поскольку были в составе одной западной коалиции против другой (с. 214). Да и частной собственности в России «никогда не было и нет» (с. 36). Зато отправной точкой Новой истории России стало время Екатерины II, а не Петра I, поскольку именно с ее царствования начинаются три великих «либеральных эпохи». Религиовед Л. Регельсон уверил аудиторию в том, что «православие рождает буржуазию» (с. 63), тогда как Г. Якунин полагал, что православие есть «церковь бронтозавров юрского периода» (с. 40). Стоит ли после этого удивляться выводу В. Кантора из ВШЭ, для которого «к моменту воцарения Ивана Грозного Россия была страной разбойной. Разбой был в ней главным занятием всех слоев общества» (с. 54). Видимо, по этой причине, согласно С. Магарилу из РГГУ, «доминирующий человеческий тип современной России – поздний варвар» (с. 57).

Примечательна в данном плане и последняя статья сборника «Русский народный судебник», в которой П. Солдатов без учета специфики исторических источников и социологического подхода, требующего

учитывать не только время и место, но и характер социальных групп, к которым может относиться то или иное высказывание, решил, используя словарь В. Даля, найти пословицы и поговорки, способные от имени русских людей обличить всю социально-политическую систему России и доказать его вывод о том, что народное сознание русских – это «диссидентское» сознание (с. 441). Суммировав все изложенное, И.М. Клямкин, ссылаясь на А.А. Аузана, выразил мысль о том, что в России есть смысл сначала установить правовое государство в обход демократии (с. 409), чтобы вернее притянуть Россию к Западу.

Не случайно цивилизационный метод анализа был отвергнут участниками семинаров. Ведь тогда пришлось бы говорить о России как о центре славяно-православной цивилизации и о ее праве быть во главе одного из древнейших культурных сообществ, говорить о причинах ее выживания, становления и самого длительного существования как великой державы в экстремальных условиях, когда она оставалась последним оплотом восточного христианства на государственном уровне. Но сделать это никто не пожелал. Ведь тогда бы пришлось искать положительный опыт государственного строительства в русской политической системе и рассматривать ту пользу, которую он может принести государственному строительству на современном этапе. Значит, потребовалось бы поставить вопрос о том, что следует российскому либералу взять из социально-политического и религиозно-культурного опыта России для того, чтобы возродить ее былую мощь и сплотить вокруг нее представителей славяно-православного мира, не мешая при этом развиваться и сохранять свое своеобразие представителям иных цивилизаций.

Удобнее оказалось найти в основе «русской системы» милитаристский культурный базис, проявившийся в мифологизации образов Александра Невского, Ивана Грозного и Петра Первого (с. 150–151) и проигнорировать мнение специалиста В.М. Межуева о том, что «одной культуры на всех не бывает», а суть «русской системы» составляет совершенно иной принцип – каждый ответственен не только за себя, но и за других (с. 121). Именно он выступает основанием института соборности как национального проявления

гражданского общества у славян, утвержденного в качестве социальной формы христианского общения еще на Первом Вселенском соборе.

К какому-то единому заключению по поводу поставленных вопросов собравшиеся так не пришли. Дух либерального индивидуализма, дающий право каждому любоваться, прежде всего, собой и слушать только себя, сквозил во всех статьях сборника в полном объеме, подтверждая тезис И.М. Клямкина, согласно которому собранные вместе либеральные историки «не смогут о чем-то договориться» (с. 130). Это подтвердила и А.Г. Глинчикова, высказав коллегам свое сожаление: «Мы часто мешаем друг другу вместо того, чтобы сотрудничать. Мы заражены высокомерием, мы не слушаем друг друга» (с. 275). Тем не менее один общий вывод сделать присутствующим все-таки удалось. Встать во главе России «партия модернизации» сможет только в том случае, если «докажет соответствие своих целей национальной идентичности» (с. 103). А т.к. свои социально-политические ценности и цели они ломать не собираются, остается только один путь — уничтожать национально-цивилизационные приоритеты народов России и навязывать им свои.

Объявив о своей оппозиции, участники семинаров, критикуя действующего президента России за усиление вертикали государственной власти, не пожелали понять главного в данном вопросе. Проводимая В.В. Путиным политика направлена на то, чтобы предотвратить деструктивные тенденции в государстве и обеспечить нормальное функционирование конструктивной оппозиции, обезопасив ее от нападения радикальных экстремистских сил как справа, так и слева.

Своеобразным продолжением разговора о судьбе России и ее познании стала книга Ю.А. Васильева. В ней он со строго научных позиций опровергает предвзятые и некомпетентные подходы, отраженные во второй части рассмотренного сборника, озаглавленной как «История и историки». Уже во введении автор указывает, что так называемый кризис исторической науки, утвердившийся на Западе с конца XX в., в значительной мере связан с тем, что за последние 30 лет там не появилось ни одной принципиально новой методологической парадигмы общественного развития. Поэтому используются некие «тупиковые

варианты», стремящиеся обновить новыми декорациями устаревшую и малоэффективную концепцию постмодерна, создавая теории трансмодерна, постэкономического пространства и т.д. Отсюда мода осмысления истории, в т.ч. и российской, не только с либеральных, но и с марксистских позиций, причем преимущественно в инструментально-прагматической области.

Преодолеть возникший кризис понимания истории надо, меняя методологию исторического исследования в сторону теоретической направленности. В данной связи хорошим фундаментом для историка станет опора на философию и социологию. Автор обращает внимание на достоинства национальной школы исторического познания, в качестве примера ссылаясь на труды Н.И. Кареева, создавшего в 1906 г. систему общей теории истории, какой не было и нет до сих пор ни в одной национальной историографии мира, и выделившего три основных метода исторического познания: констатирование фактов, их выбор и оценку. По оценке Н.И. Кареева, самая ненаучная из трех основных историко-философских точек зрения — диалектическая (идеологическая), которой соответствует метафизическая система миросозерцания. В своей семитомной «Истории Западной Европы в новое время» он доказательно характеризует ее как особую часть мира, в становлении и развитии которой участвовали совсем другие элементы, нежели те, что созидали, скажем, славяно-православную цивилизацию. В частности, на этом строилось его отрицание единого закона развития для всех регионов планеты. С ним, которого научный мир Запада прозвал «Нестором русской науки», а также с именами И.В. Лучицкого и М.М. Ковалевского Европа связывает появление у нас не либеральной, а «русской» школы в исторической науке (с. 34, 68, 52, 29), что подробно рассматривается во втором разделе — «Феномен ECOLE RUSSE».

Для удобства научного анализа автор приводит таблицу структурной зависимости отраслей знаний, где разводятся историческая наука и философия истории по объекту и предмету знания, объекту и методу исследования, а также типу знаний. Становится понятным, как, опираясь на выработанные методологические и методические подходы, можно уйти от прояв-

лений субъективности в сторону объективной оценки событий. К разновидностям такого рода «незаконного» субъективизма Ю.А. Васильев вслед за Н.И. Кареевым относит партийный, национальный и конфессиональный субъективизм, мешающий ответить на «главный вопрос истории — куда идет человечество с самого начала и осуществляет ли история идеалы человека?» (с. 99). В первом разделе, касаясь проблемы методологических оснований русской исторической школы, автор говорит о важном политическом значении исторических трудов В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова и Н.М. Карамзина, сумевших применить телеологический подход и соединить его с историко-сравнительными и синхронными методами анализа. В данной связи интересно отметить, что обойденный вниманием в книге под редакцией И.М. Клямкина М.В. Ломоносов у Ю.А. Васильева противопоставляется представителям «незаконного» субъективизма и приводится его суждение о русском народе, который «на высочайший степенъ величества, могущества и славы достигнул» (с. 17). Да и молодой Н.М. Карамзин здесь уже не выглядит либералом. Согласно проведенному анализу, он сторонник феноменализма и принципа позитивизма, который был им воспринят в 1789—1790 гг. во время путешествия по странам Европы. Поэтому причинно-следственная связь является основой его исторической концепции и в зрелые годы, а прогресс основывается на идее самодержавия. Подавая историю России такой, какова она есть, в ее положительных и отрицательных проявлениях, Н.М. Карамзин удостоился лестного эпитета А.С. Пушкина, оценившего его труд как «подвиг честного человека».

Отсутствие психологии прошлых времен и критики фактов заставило новое поколение русских историков идти дальше, применяя и разрабатывая новые методики анализа. Поэтому методологическим основанием своего научного подхода С.М. Соловьев избрал рационализм. Он также использовал принцип причинной обусловленности всех явлений. Это позволило ему, в отличие от Н.М. Карамзина и И.М. Клямкина, увидеть в действиях Ивана Грозного историческую необходимость и закономерность, позволившую одержать верх здоровым государственным началам над деструктивными разрушаю-

щими их силами, которые по известным причинам не были упомянуты в предыдущей книге.

И если для декана истфака ВШЭ А.Б. Каменского и О. Будницкого, приглашенных И.М. Клямкиным, В.О. Ключевский — это просто «миф», ничего из себя не представляющий как ученый, играющий роль «гвоздя», на который «навешивают цитаты, не имеющие... к нему отношения», то у Ю.А. Васильева, как и у Н.И. Кареева, он предстает как «вершина русской теории истории». Они оба сумели разработать и применить принцип синтетического подхода, который еще не востребован в должной мере.

В.О. Ключевскому как выдающемуся историку и патриоту посвящен третий раздел книги — «Теория истории В.О. Ключевского». Здесь автор развеивает миф о том, что В.О. Ключевский был отчужден от теоретической работы и не любил ею заниматься, разбирая другой, менее популярный его курс по методологии русской истории, дополненный дневниковыми записями и составивший стройную концепцию онтологической проблематики. Опровергая мнение П.Н. Милокова по поводу отсутствия у своего учителя «коренного нерва учебной работы» и сложности восприятия для его учеников методологических приемов профессора, Ю.А. Васильев выдвигает свои контраргументы. Среди них важное место занимает цитирование его недоброжелателей, вырывающих из контекста воспоминаний его учеников нужные им места, тогда как весь текст дает совершенно иное представление о нем как человеке и крупном ученом, избегающем держаться в своих работах «каких-либо принятых шаблонов» (с. 124). Для него всегда был интересен конкретный фактический материал, а не спекулятивные шаблоны на его основе, подменяющие науку ее идеологизацией.

Вторая группа противников В.О. Ключевского представляет именно этот лагерь идеологов от исторической науки, видевших в нем то «буржуазного русского историка», увлекающегося эклектизмом, то «либерального мыслителя». Разграничивая при изучении прошлого две точки зрения — культурно-историческую и социологическую, он еще до выделения социологии в России в самостоятельную науку предлагал создать особое научное

направление – историческую социологию, содержание которой составило бы изучение «кинетики» сил и средств функционирования исторического процесса, познание результатов которого является предметом истории цивилизаций. Автор справедливо отмечает, что желание критиковать В.О. Ключевского, опираясь на «старых либеральных историков», в т.ч. на Г.П. Федотова, основано на незнании теми или другими «Курса методологии русской истории», а также на невнимательном прочтении его лекционного цикла, в котором «социальная история превращается в социальную характерологию» (с. 130). Этот аспект его творческой деятельности как ученого проявился уже в магистерской диссертации «Древнерусские жития святых как исторический источник».

Опровергая взгляд на эпоху Екатерины II как либеральную, Ю.А. Васильев обращает внимание на выводы В.О. Ключевского, который показал, что именно в ее правление дворянство составило особый народ в политическом смысле слова, получивший широкое право угнетать, а «крепостное право превратилось в полную зависимость крепостных, ставших частной собственностью землевладельцев» (с. 141). Не выглядит либеральным у него и царство Александра I, который, подобно своему отцу и Николаю I, не правил, а владел Россией. Наряду с этим автор книги приводит систему сделанных данным историком доказательств и обоснований того, что древнерусское государство сложилось приблизительно в те сроки, о которых говорит летопись, и его связь с Московским государством носит самый непосредственный, т.е. прямой, характер. Ю.А. Васильев, указывая на оригинальность и новизну творческого подхода В.О. Ключевского к решению научных проблем, обращает внимание на то, что это стало причиной его разрыва с «государственной школой», представленной Б.Н. Чичериным, К.Д. Кавелиным и др., в которой доминирование юридического подхода не позволяет принять в расчет всю совокупность условий жизни.

Допуская саму постановку вопроса об исторических законах, В.О. Ключевский подчеркивал, что исторический закон должен дать ответ на вопрос: почему сменяются явления именно в таком порядке, тогда как историческая схема объясняла, в каком порядке сменяются исторические

явления. И здесь важно рассматривать историю не как процесс логический, а как народно-психологический. Примером здесь может служить образ Сергия Радонежского, вдохнувшего в русский народ чувство «нравственной бодрости» (с. 190). С другой стороны, под влиянием Запада распространилось «чужебесие» – пристрастие ко всему иностранному, которым, в частности, был «заражен» в начале XVII в. князь И.А. Хворостинин – духовный предшественник Чаадаева. Но в любом случае, заключает автор, опираясь на В.О. Ключевского, «в усилении исторической любознательности всегда можно видеть симптом пробудившейся потребности общественного сознания ориентироваться в новом положении», что свидетельствует о том, что новое положение уже упрочилось и его результаты стали носить ощутимый для народа характер. Но тем и отличается «общественное сознание от личного, что последнее обыкновенно идет от установленных причин к возможным последствиям, а первое, наоборот, расположено от данных последствий восходить к искомым причинам» (с. 216–217).

Завершая свою книгу четвертым разделом, обращенным к общей методологии А.С. Лаппо-Данилевского, автор видит в нем достойного представителя научной исторической школы и одного из основателей психологического направления в отечественной исторической науке, противостоящего «авторам всеохватывающих и всеобъемлющих исторических теорий и концепций», связанных с бизнес-проектами, подобно А.Т. Фоменко и К^о (с. 262).

Что касается третьей книги, написанной Н.Б. Хайловой, то она тоже по-своему вписана в своеобразный диалог двух подходов к осмыслению российской истории и государства. Задача автора здесь сводится к тому, чтобы дать системный анализ центристской модели модернизации российской экономики в начале XX в. При этом особое внимание сконцентрировано на анализе представлений либералов-центристов об оптимальных формах организации производства и налогообложения в связи с проблемой собственности. Другим ключевым вопросом, рассмотренным в монографии, следует считать социальное партнерство как действенный механизм взаимодействия власти, бизнеса и общества. В данной работе также раскры-

вадается большой вклад в решение данных проблем и развитие самой экономической науки в целом таких известных ученых, как М.М. Ковалевский, А.С. Посников, А.М. Рыкачев, В.Ю. Скалон и др. Это действительно весьма слабо проработанная не только в исторической, но и в экономической науке тема. Она сохраняет свою актуальность и требует определенной реакции не только со стороны научного сообщества, граждан, не равнодушных к своей стране и ее дальнейшей судьбе, но и самой государственной власти.

Изучая данный круг вопросов, автор пришел к выводу, согласно которому именно центристы-либералы были и должны стать той социально-политической силой, которая способна преобразовать Россию. Смута, которую она пережила в начале XX в., в значительной степени была связана с тем, что власть не учла и не хотела учесть ту модернизационную программу, которую предлагали осуществить идеологи Партии демократических реформ, Партии мирного обновления, прогрессисты, занявшие нишу между конституционными демократами и октябристами. Н.Б. Хайлова доказывает, что сохранившееся до наших дней суждение о социально-политических воззрениях идеологов либерального центра как эклектичных и теоретически несамостоятельных не имеет серьезной научной обоснованности. Согласно ее мнению, Россия находилась в состоянии довольно резкого перехода от одних социально-политических форм существования к другим. Это состояние неустойчивости и постоянной трансформации центристской модели было связано с быстро меняющейся ситуацией в стране и появлением новых идей переустройства государства. Лидерам этих политических сил приходилось отбирать, на их взгляд, лучшее и искать союзников для решения поставленных задач, в основе которых лежал принцип социальной ориентации. Его смысл сводился к признанию того,

что «национальное богатство не должно создаваться ценою народной бедности», поскольку «силы и здоровье народа» являются «драгоценнейшими благами».

Вместе с тем, принимая, вслед за И.М. Клямкиным, социально-политическую позицию либералов-центристов как единственно верное направление научной и общественной мысли, Н.Б. Хайлова обошла вниманием другой круг источников, связанных не только с критикой социально-политических воззрений либералов-центристов, но и с иными, уже сугубо политологическими подходами к пониманию политической системы России и ее партийной системы в частности, доверившись в этом вопросе людям своего идеологического круга. То же самое касается и третьей главы монографии «Социальное партнерство: власть — бизнес — общество». Идеологизированный подход и здесь выявляется в утрате доверия к независимым экспертным выводам. В частности, почему-то были проигнорированы исследования на это счет профессора РАНХиГС В.А. Михеева, изучающего феномен социального партнерства в России уже несколько десятилетий и являющегося признанным экспертом в этой сфере научного поиска.

В качестве общего заключения можно сделать вывод о том, что «холодная война» на территории России не ушла в прошлое, как о том недавно писал Евгений Примаков¹. Она продолжается, и вошла во вторую фазу своего развития. Ее отличительной особенностью является борьба между рвущимися к полному мировому господству сторонниками адхократии, представленной идеологией мондиализма, и их противниками, пытающимися с научной точки зрения доказать право России и всего мирового сообщества на цивилизационное многообразие.

¹ См.: Примаков Е. Россия — 2012: вызовы и проблемы // Независимая газета, 16.01. 2013.